

ветских этнографов в иностранной периодике. В первой книге журнала было опубликовано и окончание «Библиографического указателя литературы по фольклору (1945—1958 гг.)» М. Марченко и П. Павляя⁶, а в кн. 3 — дополнение к нему, составленное авторами на основе замечаний, предложений и дополнений, полученных ими от ряда корреспондентов.

В разделе «Хроника» широко освещается собирательская и исследовательская деятельность Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, высших учебных заведений Украины и домов народного творчества.

Материалы, помещенные в разделе «Нам пишут», — либо новые записи украинского фольклора, присланные из разных районов республики, либо описания народных праздников и тематических вечеров, либо сообщения о работе местных фольклорных и других кружков.

В целом журнал «Народна творчість та етнографія» несомненно представляет большой интерес. Хотелось бы только пожелать, чтобы в будущем было изменено соотношение между материалами по народному творчеству и этнографии в пользу последних, а также расширена проблематика статей по изучению современного состояния фольклора и быта.

Н. Полищук

⁶ Начало см. в журнале «Народна творчість та етнографія»: 1959, кн. 2—4; 1960, кн. 1—4.

НАРОДЫ СССР

Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР: т. 6. Этнография. Алма-Ата, 1959, стр. 216; т. 12. Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана, Алма-Ата, 1961, 194 стр.

Коллектив этнографов Академии наук Казахской ССР ведет большую и плодотворную работу по изучению культуры и быта казахов и некоторых других народов Казахстана. Экспедициями обследуются все более обширные пространства огромной территории Казахстана. Основной задачей этнографических экспедиций является сбор материалов для историко-этнографического атласа Казахстана, а также изучение современного быта и культуры казахов.

Результаты полевых исследований 1955—1960 гг. опубликованы, помимо периодических изданий, в трех сборниках Трудов Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР (тт. 3, 6 и 12). Том 3, посвященный современному быту и культуре казахов и уйгуров, был рассмотрен на страницах журнала «Советская этнография»¹. Том 6 представляет собой сборник статей, характеризующих различные стороны хозяйственной деятельности, материальной культуры и прикладного искусства казахов, а также их родоплеменной состав и социальные отношения в дореволуционное время. Одна из статей носит историографический характер. В томе 12, наряду с этнографическими работами, посвященными тем же вопросам, что и предыдущий сборник, имеются восемь археологических статей и одна антропологическая.

Результаты исследований этнографических экспедиций в целом освещены в двух работах: И. В. Захаровой «Об итогах этнографических экспедиций 1955 и 1956 годов»² (т. 6, стр. 3—18) и Х. Аргынбаева и И. В. Захаровой «Результаты работы этнографической экспедиции в Южно-Казахстанскую область в 1958 г.» (на казахском яз., т. 12, стр. 92—118).

Обе работы содержат четкую характеристику и анализ материалов, собранных экспедициями. Особенно хорошо освещены такие темы, как история земледелия, история типов поселений и жилища. Очень ценным является выделение определенных типов кочевого жилища. Но в работе И. В. Захаровой нам кажется неудачным применение термина «калмыцкий тип юрты» в отношении приводимого автором типа юрты с высоким куполом — типа, характерного для всего Семиречья и широко распространенного и на территории Северной Киргизии. Как известно, калмыцкая юрта отличается совершенно прямыми жердями («уык»), составляющими купольную часть остова юрты, тогда как в охарактеризованном автором «семиреченском» типе изгиб в нижнем конце уыка, определяющий форму купола, — обязателен.

Весьма ценны материалы по старинной одежде, особенно описание мужских и женских головных уборов с выделением локальных, родоплеменных и возрастных раз-

¹ О. Корбе и Е. Махова. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 3. Этнография; «Сов. этнография», 1958, № 2, стр. 150—154.

² В 1955 и 1956 гг. были обследованы юго-западная часть Семипалатинской области, юго-восточная часть Карагандинской области, южная часть Кустанайской области и два района Актюбинской области (Темирский и Иргизский).

личий. Однако авторы недостаточно обращают внимание на характеристику такого интересного историко-культурного объекта, как женские украшения. В приводимых таблицах следовало бы дать подробную и точную аннотацию, указав, к какому району и к какой родоплеменной группе относится каждое из воспроизведенных украшений. То же следует сказать и по поводу таблицы головных уборов в совместной статье Х. Аргынбаева и И. В. Захаровой.

Существенным недостатком рассматриваемых двух статей (в чем отразилось, по-видимому, общее направление полевых исследований), на наш взгляд, является отсутствие сведений о других народах, живущих в изучаемых областях, и отсутствие хотя бы самых общих данных по истории сложения населения этих областей. В результате такого подхода к изучению культуры и быта казахов по многим важным вопросам не сделаны выводы. Сказанное особенно относится к такой интересной историко-культурной области, как Южный Казахстан. Если бы авторы не только вскользь упомянули в нескольких местах о проживании узбеков в области, а описав расселение узбеков на этой территории и дав хотя бы самую краткую их этнографическую характеристику, отметили бы, что узбеки, как и казахи, являются исконными насельниками ряда районов Южного Казахстана, то приводимые аналогии с материальной культурой узбеков не приняли бы форму констатации сходства, а раскрыли бы глубокие корни культурного взаимовлияния и взаимосвязей. Правда, авторы привлекают значительный сравнительный материал по другим народам Средней Азии и в результате этого приходят к ценному выводу об исконных этнических связях казахов Южного Казахстана с каракалпаками, узбеками, живущими по Сыр-Дарье (почему только по Сыр-Дарье?) и с киргизами Южной Киргизии (почему только Южной Киргизии?).

Следует сказать, что привлечение сравнительного материала в работе Х. Аргынбаева и И. В. Захаровой является большим достоинством ее, ибо в большинстве статей о прикладном искусстве аналогии с другими народами Средней Азии приводятся крайне редко и в результате этого работы носят преимущественно описательный характер.

Вывод в статье И. В. Захаровой (т. 6, стр. 17) о том, что единый комплекс культурно-бытовых особенностей связан с населением определенной территории и далеко не совпадает с разделением казахов по племенам, очень интересен, но пока носит предварительный характер.

Две статьи посвящены родоплеменному составу казахов: В. В. Вострова «Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Семиреченской области (конец XIX — начало XX в.)» (т. 12, стр. 119—135, с приложением четырех карт) и М. С. Муканова «К вопросу о родорасселении казахов на территории Казалинского и Перовского уездов Сыр-Дарьинской области (вторая половина XIX в.)» (т. 12, стр. 136—147, с приложением одной карты).

Весьма отраднo, что казахстанские этнографы занялись разработкой карт расселения родоплеменных групп казахов. Карты эти необходимы не только для разработки исторических проблем, но и как основа для картографирования объектов материальной и духовной культуры.

Статьи посвящены областям со сложным этническим составом населения. Освещение истории формирования населения изучаемых областей не входило в задачу авторов. Они поставили перед собой более узкую цель: дать картину расселения родоплеменных групп казахов на указанный в заглавиях статей отрезок времени, и с этой задачей они вполне справились.

В. В. Востровым составлены и подробно аннотированы в тексте схематические карты родоплеменного расселения казахов четырех уездов: Лепсинского, Копальского, Верненского и Джаркентского. Карты основаны на переписи 1897 г. и уточнены сведениями из литературы того времени, архивными данными и полевыми материалами автора. В работе даны генеалогические таблицы проживающих в указанных уездах родоплеменных групп. В начале работы автор дает очень сжатую, но ясную картину окончательного разложения казахской «родовой» общины к концу XIX в. и связанную с этим эволюцию форм землепользования, т. е. рассматривает факторы, имевшие самое непосредственное влияние на расселение различных родовых групп казахов.

Лаконичность изложения В. В. Востровым материала является большим достоинством работы автора, однако порой она бывает в ущерб содержанию. Например, на стр. 120 автор говорит, что казахи заселили Семиречье во второй половине XVIII в. Создается впечатление, что казахи впервые заселили Семиречье только во второй половине XVIII в., заняв место джунгар. Ничего не говорится о том, какие казахские родоплеменные группы вернулись в Семиречье на свои исконные земли, а какие пришли впервые (если были таковые); заняли вернувшиеся свои прежние территории или же другие.

Небольшая по объему статья М. С. Муканова содержит много ценного материала о ведении кочевого хозяйства казахами Сыр-Дарьинской области в первой половине XIX в. и о начавшемся с середины XIX в. процессе ограничения путей кочевания присырдарьинских казахов, о причинах и следствиях этого процесса. В подробной аннотации к приложенной схематической карте расселения родоплеменных групп казахов на территории Казалинского и Перовского уездов Сыр-Дарьинской области по данным второй половины XIX в. (с привлечением полевых материалов автора) приведены генеалогии двух казахских племен — Алим-улы и Бай-улы.

Позволим себе высказать автору некоторые возражения. Вызывает недоумение его положение о том, что река Сыр-Дарья «как бы является границей между кочевниками (к северу от нее) и оседлым населением (к югу от нее)» (стр. 136), и утверждение о том, что поход Чингиз-хана явился причиной первого массового перемещения племен и родов (там же).

Никак нельзя согласиться с тем, что автор группу «ходжа» («кожа» в казахском произношении) безоговорочно причисляет к духовному сословию и считает ее представителей потомками «мусульманских конквистадоров, ведущих свою родословную от арабов» (стр. 144). Группа «ходжа», имеющаяся среди ряда народов Средней Азии, как справедливо отмечено О. А. Сухаревой, считая себя потомками сподвижников Мухаммеда или каких-нибудь «святых», пользовалась некоторыми привилегиями, однако социальное положение ходжа было далеко не одинаковым: многие из них были простыми тружениками и не входили в состав духовенства; другие же действительно принадлежали к духовенству и пользовались доходами с наследственных вакуфов. К именитым ходжам принадлежали многие ишаны. Что касается происхождения группы «ходжа», то нередко их генеалогии были довольно поздние и в большинстве своем поддельные³.

Вызывает серьезные возражения предположение автора о том, что «духовное сословие под названием Сунак, ведущее свое происхождение от арабов», и есть племя Бахтиар, зарегистрированное в Янги-Курганской волости Перовского уезда Организационной комиссией Туркестанского статистического управления в начале 70-х гг. XIX в., но не обнаруженное Кызыл-Ордынской этнографической экспедицией 1958 г. (стр. 147). При этом М. С. Муханов, опираясь на сведения упомянутой Организационной комиссии, считает, что племя Бахтиар принадлежало к бахтиарам Ирана. Однако автор ссылается не на материалы этой комиссии (в них мы не нашли указания на ираноязычность присырдарьинских бахтиаров⁴), а на том «Народы Передней Азии» из серии «Народы мира» (М., 1957), где ничего не сказано о присырдарьинских бахтиарах. Нам думается, что присырдарьинское племя Бахтиар, если и было осколком бахтиаров, ираноязычной народности юго-западного Ирана, какими-то судьбами попавшими на берега Сыр-Дарьи, то, по всей вероятности, вернулось в Иран или в 1916 г., или в годы гражданской войны, а не стало именоваться сунаками.

Что касается сунаков, то, по нашему предположению, это потомки старого оседлого населения средневековых присырдарьинских городов и название их происходит от наименования города Сыгнака. Тем более, что этот город в источниках называется не только Сыгнак, но и Сунах, Сугнак и Сунак-Курган⁵.

Историко-этнографическое исследование Х. Аргынбаева «Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX в. (По материалам Восточного Казахстана)» (т. 6, стр. 19—90) написано на основании большого полевого материала, собранного автором, а также архивных, статистических и литературных данных. Следует особо отметить широкое привлечение автором музейных материалов. Первая глава знакомит читателя с историей заселения Восточного Казахстана русскими, а также отчасти украинцами и другими народами Европейской части России. Кроме того, даются сведения о родоплеменном составе казахов изучаемой области в начале XX в. Приложена схематическая карта этнического состава населения Восточного Казахстана.

Основная часть исследования посвящена прогрессивным изменениям в хозяйстве казахов под влиянием русских переселенцев. Положительное влияние русского переселенческого населения на быт казахов особенно наглядно раскрывается в развитии оседлого жилища. Подробно описывая существенные новшества, появившиеся в казахском жилище под русским влиянием, автор, однако, недостаточно подчеркивает, что основной тип постоянного жилища, представляющий собой комплекс жилых и хозяйственных построек, объединенных под одной крышей, является традиционным для казахов и типичным для данной территории и в значительной мере был обусловлен природными условиями. Жилище с подобной планировкой дожило с некоторыми изменениями и до наших дней⁶ и, как правильно замечает автор, было в некоторых местах заимствовано у казахов русскими.

На изменениях в одежде казахов, происшедших во второй половине XIX в., русское влияние сказалось значительно меньше; в этот период было велико влияние татар, что автором не отмечено. Самостоятельный интерес представляет собой описание одежды казахов второй половины XIX — начала XX в.

При характеристике старого уклада хозяйства и особенностей быта казахов автору следовало бы сказать о тесных многовековых связях казахов этих областей с народами Средней Азии и Восточного Туркестана, что наложило глубокий отпечаток на все стороны быта и хозяйства.

³ О. А. Сухарева, Ислам в Узбекистане, Ташкент, 1960, стр. 66—68.

⁴ «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 1, СПб., 1872, стр. 110—111.

⁵ А. Ю. Якубовский и, Развалины Сыгнака (Сугнака), «Сообщения ГАИМК», 11, Л., 1929, стр. 122, 136, 137.

⁶ О. А. Корбе и Е. И. Махова, Экспедиция в Казахстан, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XIV, М., 1952, стр. 40—43.

Специальный раздел посвящен автором весьма интересному вопросу о том, как длительное общение пришлое русское население с казахами нашло отражение в хозяйстве и быту русских.

Статьи, посвященные различным видам прикладного искусства казахского народа, представляют значительный интерес, поскольку специальных этнографических работ в этой области очень мало, а многие виды ремесла и прикладного искусства, отражающие богатство народного творчества казахов и историю их культуры, в настоящее время исчезают.

Вопросам в основном техники производства посвящены две статьи Э. А. Масанова. В статье «Казахское войлочное производство во второй половине XIX и начале XX века» (т. 6, стр. 104—126) автор на основании своих полевых материалов, с широким привлечением литературных и архивных источников, помимо описания техники производства, которое дается с исчерпывающей полнотой, выделяет типы войлочных изделий и показывает место каждого из них в быту. К сожалению, в статье совершенно нет иллюстраций и отсутствуют аналогии с войлочным производством соседних народов.

В интересной статье «Кузнечное и ювелирное ремесла в казахском ауле (вторая половина XIX — начало XX в.)» (т. 12, стр. 148—170) Э. А. Масанов, описывая технические приемы художественной обработки металлов, почему-то ограничивается сравнением с аналогичным производством у узбеков (точнее — у узбеков и таджиков, ибо речь идет о городе Бухаре) и делает на этом основании вывод об отличии техники чеканки у казахов от среднеазиатской, тогда как у соседнего с казахами среднеазиатского народа — киргизов существуют все перечисленные автором виды художественной обработки металлов, а техника чеканки ничем не отличается от казахской.

Художественной обработке металла посвящена также статья В. В. Вострова «Некоторые изделия казахских мастеров-зергеров (по материалам экспедиции 1955 г.)» (т. 6, стр. 127—143). Достоинством этой работы является обстоятельное описание изделий отдельных казахских мастеров Семипалатинской и Карагандинской областей. Очень интересно положение автора о том, что различным родоплеменным группам были свойственны свои формы изделий и технические приемы их изготовления. Большой интерес представляет таблица, в которой сопоставляются орнаментальные мотивы на современных металлических изделиях и на керамике из археологических раскопок и вывод автора о непрерывности и преемственности исторического развития казахского и других среднеазиатских народов. Хочется лишь упрекнуть автора в крайней лаконичности аннотаций к таблицам.

На основании полевых материалов, собранных в 1956 г. в Кустанайской и Актюбинской областях, написано сообщение М. С. Муканова «Резьба по дереву у казахов» (т. 6, стр. 159—163). В краткой, но очень ясной форме автор дает описание этой мало изученной отрасли казахского прикладного искусства. Статья показывает, насколько важно изучение этого своеобразного вида казахского прикладного искусства на всей территории Казахстана.

Другая статья М. С. Муканова «Ковровое производство и его орнаментика» (т. 6, стр. 91—103) вызывает особый интерес, поскольку специальных исследований по узорному ткачеству у казахов нет. К сожалению, автор вместо того, чтобы наиболее полно развернуть свои полевые материалы, основное внимание уделяет общим, часто очень спорным, вопросам. Большую часть статьи автор посвящает анализу орнамента. При этом, резко критикуя своих предшественников, он сам пока еще мало вносит нового в исследование этого вопроса. Выводы автора о происхождении казахского орнамента недостаточно убедительны.

В результате недостаточной четкости формулировок остается неясным, являются ли указанные автором лица исполнителями упомянутых ковровых изделий или же их владельцами. Поэтому возникает сомнение: все ли отмеченные автором четыре типа безворсовых ковров производятся казахами или некоторые из них только бытуют у казахов. В частности, это относится к типу «араби». Ковры этого типа характерны для среднеазиатских арабов, но изготавливаются и узбеками, живущими попеременно с арабами. Автором, видимо, не учтена работа В. Г. Мошковой об узбекском ковроткачестве, в которой дается достаточно полная характеристика ковров типа «араби»⁷.

Большой интерес представляет публикация казахского примитивного вертикального станка и указание на бытование его и у уйгуров Синьцзяна. Подобный станок бытует и у чекотарых припамирских народов⁸.

В отличие от рассматриваемых выше статей о прикладном искусстве и ремесле казахов работа Н. А. Оразбаевой «Искусство резьбы по кости у казахов» (т. 6, стр. 144—158) написана преимущественно на основании коллекций Центрального музея Казахстана. Статья представляет большой интерес, являясь первой специальной публикацией по этому вопросу. Сопоставление казахских изделий из кости с археологическими находками приводит автора к убедительному выводу о несомненной древности этого вида искусства у казахов.

⁷ «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль», Ташкент, 1954, стр. 71—72.

⁸ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. II, Сталинабад, 1958, стр. 366—372.

Внимание всех изучающих историю русской этнографической науки, а также этнографию казахов привлекает статья Э. А. Масанова «Об этнографическом изучении Казахстана в России до 1845 года» (т. 6, стр. 215—245). Обзор работ приводит автора к справедливому выводу о том, что в трудах русских ученых того времени накопился значительный этнографический материал, без которого наука не может обойтись, и что в конце XVIII в. русские ученые уже перешли от простого собирательства к исследованию казахского этнографического материала (стр. 245).

Рассмотренные исследования казахстанских этнографов охватывают различные области истории, культуры и быта казахского народа и представляют большой интерес для этнографической науки. В связи с этим желательнее сопровождать статьи, публикуемые на казахском языке, кратким резюме на русском.

Б. Кармышева, Е. Махова

С. Ш. Гаджиева. *Кумыки*. Историко-этнографическое исследование, М., 1961, 384 стр.

Рецензируемая книга представляет собой историко-этнографическую монографию об одном из наиболее многочисленных народов Дагестана — о кумыках. Объем книги — около 25 печатных листов; язык ее, как правило, точен и выразителен. Текст книги проникнут идеей интернационализма, братской дружбы кумыков с другими народами Дагестана, Северного Кавказа, с русскими, азербайджанцами. Монография основана на большом полевом материале автора, собранном во время многочисленных этнографических поездок в районы Дагестанской АССР, населенные кумыками. Автор — кумычка, хорошо знает жизнь своего народа. Нам кажется излишне краткой характеристика автором книги своих полевых материалов. Об этом сказано только одна фраза. Помимо разносторонних и достоверных полевых материалов, книга базируется также на большом, хорошо проанализированном литературном материале.

Основным главам книги предшествует введение, содержащее подробный обзор литературных источников. Скромно названная первая глава книги «Краткий очерк истории кумыков» на самом деле является глубоким исследованием истории этого народа. В главе использованы многочисленные сведения древних и средневековых авторов, сочинения русских дореволюционных и западноевропейских путешественников и ученых и светских этнографов, археологов, историков, лингвистов, антропологов.

Из имеющихся у нас незначительных возражений автору по этой главе приведем следующее. Пожалуй, в заключении раздела об этногенезе недостаточно подчеркнута роль тюркских элементов в этногенезе кумыков. Между тем, при изложении материала автор сама убедительно показала значительную роль тюркского элемента в исторической судьбе ныне тюркоязычного народа — кумыков.

Вторая глава — «Социально-экономические отношения и политический строй в первой половине XIX в.» — самая большая по объему. Половина ее представляет собой интересное этнографическое исследование хозяйства кумыков. В разделе «Хозяйство», богато иллюстрированном, в основном приводятся новые, не повторяющие прежних изданий автора, иллюстрации.

Недостатком главы является то, что описание сельскохозяйственных орудий и иллюстрации их даны в разных местах. Так, вначале в разделе «Земледелие» (стр. 62—70) приводятся иллюстрации кумыкского плуга «сабан» (стр. 64), типов легкого пахотного орудия «пурус» (стр. 65), старого способа боронования (стр. 67), таблицы сельскохозяйственных орудий (стр. 68), молотильной доски (стр. 69), а затем более чем через 20 страниц дается их описание с отсылками, естественно, на 20 страниц назад к соответствующим иллюстрациям (стр. 91). Такое построение неудобно для восприятия.

Вызывают возражение некоторые формулировки. Так, на стр. 66 говорится об охроне полей после осеннего сева; названы эти поля «общественными посевами», что вызывает понятное недоумение у читателя. Нам думается, нельзя назвать узорчатый войлок «войлочным паласом» (стр. 76), так как палас — это тканое изделие, а войлок — валяное.

В описании красящих веществ, применявшихся в прошлом у кумыков для окраски пряжи, названия растений приводятся то по-кумыкски, то по-русски. Между тем, документально зафиксированными для этнографии были бы только научные латинские наименования растений. Кроме того, встречаются такие неточные фразы, как, например, «Краски красную и бордо получали из марены в сочетании с некоторыми другими (какими? — А. Т.) растениями; коричневую — из коры алычи, ореха, дуба и некоторых (каких? — А. Т.) листьев» (стр. 84).

Автор избежал довольно распространенной ошибки: он не называет пахотное орудие более простого типа, чем плуг, сохой, тогда как это орудие является по своему типу ралом, а называет его просто «легким пахотным орудием» (стр. 65, 90). К сожалению, в следующей главе автор некритично приводит цитату из книги конца XIX в. о применении в сельском хозяйстве в горах исключительно сохи (стр. 163), тогда как сохи на Кавказе вообще не было, а было рало.